

III

С точки зрения „стиля“ выставку можно разделить на два крыла, на два разветвления. Этот водораздел определяется, с одной стороны, знаком Востока (живопись Средней Азии, Армении, Грузии), а с другой — знаком Запада (Белоруссия, Украина). Далекие традиции Персии, Ассирии, Византии, проступающие и в армянской живописи, особенно явственны у художников Грузии. Искусство Грузии — почти в центре внимания на выставке, и в частности именно грузинский художник

Нико Пиросманишвили — ее „гвоздь“, наиболее неожиданное ее „открытие“.

Русский читатель едва ли когда-либо слышал это имя. А между тем, если современная художественная Франция гордится (вернее сказать, спекулирует) своим гениальным примитивом А. Руссо, то Грузия может с полным правом противопоставить ему своего гениального самородка, художника-самоучку Пиросманишвили. Любопытно и совпадение их творческих путей: демократическое происхождение, нищая жизнь (Руссо — таможенный чиновник, Пиросманишвили — деклассированный крестьянин, „свободный художник“), натура „взрослого ребенка“, прижизненное непризнание и... посмертная слава. Но Пиросманишвили побил рекорд: он был еще непосредственнее, еще „примитивнее“, нежели „таможенник Руссо“ — он жил и творил не в мировом центре, Париже, а всего лишь в Грузии, ничего, кроме нее, не зная и не видя. Кахетинский крестьянин, он оторвался от земли, чтобы бродить по ней с ящиком красок, как некий „ашуг“ и „кинто“, обменивая свои картины на хлеб и вино в духанах. Старая княжеская и буржуазная Грузия, как и полагается, не поддержала и не оценила своего национального художника: он умер в 1918 г. в жалком подвале. И только новая, Советская Грузия уделила его творчеству место в национальной грузинской галлерее и выпустила о нем первую вообще, богато иллюстрированную монографию.

Теперь, наконец, и мы, в Москве, увидели этот необычайный талант, чудесно соединивший в себе наивность живописца вывесок с культурой Персии и Византии, нечто „инфантильное“ — с высоким мастерством композиции и колорита. Пиросманишвили изображал *всю* Грузию — ее людей и животных, ее дворянский и крестьянский быт, ее богатей и бедняков, ее пирующих князей и кутящих кинто. Пиршественные мотивы, культ веселья и яств занимали в творчестве этого художника-бедняка едва ли не первое место, и поистине великолепны его натюрморты: вина и плоды Грузии.

Пиросманишвили был — говоря объективно — выразителем Грузии мелкобуржуазной. Но в этом представителе деклассированной художественной богемы скрывалась такая сила творческой стихии, такая мощь выразительности, что понятны слова о нем грузинского поэта Рабакидзе — „*видишь Пиросмана и веришь в Грузию*“.

Эту веру в творческое возрождение Грузии дает и все ее участие на выставке. Какая-то органическая народность свойственна грузинскому искусству: оно самобытно и целостно. Октябрь вызвал на поверхность глубинные ключи грузинского творчества. Вот Тифлисская рабоче-крестьянская студия (руководимая Тоидзе); сколько в ней, в этих работах грузинского

молодняка — потомков Пиросманишвили, — блесков народной даровитости! Вот новое „Общество художников Грузии“ — в нем ряд серьезных мастеров: Ладо Гудиашвили, Ахваледиани, Магашвили, Какабадзе. Многие из них прошли через Париж (теперь они работают в Грузии). Но еще Морис Райналь в своей французской монографии, посвященной Ладо Гудиашвили, отметил специфическую способность этого художника-грузина оставаться грузином, даже и пройдя через горнило Парижа...¹

Однако, культурно-историческое прошлое Грузии, эта амальгама самых различных культурных наслоений и влияний — Персии, Ассирио-Вавилонии, Византии и т. д. — сама по себе настолько сложна, что перегружает творчество того же Ладо Гудиашвили, делает его чрезмерно изысканным, причудливо-витиеватым. Суровость грузинской фрески, пряность персидской миниатюры, мерцание мозаик (и некоторый налет Гогена) — все это сказывается на живописи и рисунках этого несомненно тонкого мастера, который, впрочем, еще весь в периоде исканий. Однако, весь этот клубок наслоений и влияний грузинскому искусству необходимо распутать — для того, чтобы выявить свое *современное* лицо. В этих же целях ему предстоит и выйти за пределы чересчур однообразной тематики, все еще сводящей „народность“ к... пиршествам, кинто и кинжалам. Советская Грузия ведь уже преодолевает это восточное „фаренiente“ — на смену ему идет активизм нового строительства.